
Заключение к лекции для бойцов в госпиталях на тему «Учение Дарвина и Великая Отечественная Война»

Александр Федорович Котс

Заключение к I-лекции

Каков же вывод сделаем мы из всего, что было сказано о **Дарвинизме**?

Каким образом нам всего ближе увязать учение Дарвина с потребностями боевого времени, с запросами войны?

Ответ мой прозвучит в тройкой форме, соответственно трем основным разделам моей лекции и соответственно тройному составу Аудитории: Медперсоналу и бойцам, одним — больным и не оправившимся от недуга и другим готовым выехать на поле брани.

Начну с **медперсонала** — младшего по преимуществу его состава. Как связать для них проблему Дарвинизма с госпитальной практикой?

Припомните ту первую, вступительную часть моей беседы, где мы говорили об **Изменчивости** у Животных. Вспомните, тот вероятно новый для Вас факт, что самые обыкновенные животные изменчивы и по окраске, и по росту и по образу их жизни... что по существу **нет** двух вполне тождественных по складу, масти и по поведению животных, относящихся к тому же виду.

Посмотрите, как изменчива окраска и размеры тела самого обыкновенного животного — Медведя, Волка и лисицы! Что ни экземпляр — то разные детали масти, густоты волос, размеров, склада и повадок...

В этой поразительной изменчивости индивидуальных свойств животных — первое условие признания эволюции живой природы: — эту эволюцию Вам — не понять — пока Вы не усвоите, элементарного явления личной изменчивости всех живых существ! Нельзя добиться подлинного усвоения учения **Дарвина** — не научившись подходить любовно, вдумчиво к исследованию особенностей каждого отдельного животного и каждого растения...

«Ни один ботаник не станет заниматься каждою отдельною березой» — заверяет нас герой **Тургенева** в известнейшем его романе.

И, однако, высказанное так уверенно, это суждение устарело даже для своей поры.

Написанные два года спустя по появлении «Происхождения Видов» Дарвина, «**Отцы и Дети**» не успели оценить в лице их злополучного героя — основного требования Дарвиниста: заниматься именно «отдельными березами».

Как дилетант-натуралист — **Базаров** мог и не считаться с этим новым для него подходом в области **Ботаники** — : для ботанических прогулок с дамами — было достаточно назвать «латинские названия полевых растений».

Хуже то, что сходную же «уравниловку» («Люди, что деревья в лесу») герой наш думал применить и к будущим своим больным; можно уверенно сказать, что выдающимся врачом — **Базарову** не удалось бы сделаться за механичностью его подхода к людям и больным.

Конечно, общие манипуляции и процедуры при лечении сходных и родственных заболеваний будут часто сходны и порой тождественны.

И все же основным принципом современной медицины — следует считать то положение, которое нам говорит, что нет болезней сердца, легких или печени — но есть лишь легочно-почечные и сердечные больные:

Что ни койка — то свое неповторимое в деталях состояние недуга и болезни, соответственно различиям физического и психического склада, возрасту и темпераменту.

В этих особенностях состояние каждого больного и в учетывании их — залог успеха должного ухода, рационального лечения. Это последнее Вам не удастся в должной мере, если Вы не овладеете элементарной истиной — умением видеть в каждом раненом — отдельный, индивидуальный случай и необходимость изменяться к каждому из них. —

Вот почему — первейшая обязанность всех тех, кому доверены уход за раненым или больным — учетывание при подходе к каждой койке, к каждому больному — специальных его нужд и опасений, памятуя, что не существует вообще безличных раненных или больных, но есть неповторимые в своих страданиях и надеждах, горестях и упованиях тт. **Петровы, Николаевы и Ивановы.**

Внесите же в каждый отдельный случай то внимание к частному и строго- индивидуальному, которые Зоолог-Дарвинист привносит в изучение каждого примера личной изменчивости у живых существ

Мы переходим ко второй главе моей беседы и второму контингенту моих слушателей: к знаменитому учению Дарвина о роли и значении **Искусственного Подбора** и деле получения домашних одомашненных животных и растений.

Вспомните, как силой своей воли человек добился превращения **Волка** в «друга человека» — верную **Собаку!** Сколько раз в истории культуры приручение животных достигалось только героическими мерами борьбы за подавление одних, зловредных свойств и выявление других, полезных человеку!

Сколько инициативы, воли и настойчивости требовало вытеснение растений сорняков и замещение их культурами полезных злаков.

Только непрестанной героической борьбой добился человек господства над природой — культивации полезных, удаления зловредных спутников своей культуры.

Но ведь сказанное о борьбе с врагами **внешними** — животного или растительного мира, приложимо и к борьбе с врагами **внутренними** — при болезнях, будь то следствиями поранений или внутренних инфекций.

Каждая болезнь, каждое ранение в процессе заживления и выздоровления сводится к **борьбе** больного со своим недугом.

И не даром на врачебном языке, как и в обычной повседневной речи, приняты такие выражения: «Больной поправится, он преборит свой недуг!» Известно как в отличие от прежней медицинской практики, стремившейся при всех условиях к **снижению** температуры, — современный врач боится часто не подъема, но падения, температуры — как свидетельство того, что организм недостаточно силен, чтобы «бороться» со своей болезнью.

Известно также, что эту «борьбу больного со своей болезнью мы принимаем в самом подлинном, прямом, буквальном смысле слова, как борьбу, которая ведется человеком со зловредными мельчайшими животными или растительными организмами с **микробами**, проникшими или размножившимися в его теле».

В самом подлинном, буквальном смысле слова мы привыкли говорить словами **Мечникова** о «борьбе, которая ведется в нашем теле полчищами одноклеточных и мельчайших организмов („фагоцитов“), поглощающих и обезвреживающих зловредных, ядовитых, губительных **микробов**».

Эти благодетельные клетки тела — **фагоциты** — (белые кровяные тельца, амебовидные клетки лимфатических желез, костного мозга, селезенки..) и являются ближайшими борцами за здоровье в нашем теле, за его поправку от недуга, будь то следствие инфекционного заболевания или следствие ранения.

От исхода этой невидимой внутренней борьбы — зависит и исход болезни.

И от нас зависит в широчайшей степени помочь этим невидимым нашим помощникам в борьбе с микробами.

И здесь, поймем собственно врачебных, медицинских средств содействующих размножению фагоцитов и уничтожению микробов, — место не последнее приходится на долю собственного психического самочувствия — душевной бодрости, уверенности, воли и стремления к победе над недугом.

Как в борьбе за лучший урожай — ближайшая наша забота — истребление сорняков полей и разведение устойчивых полезных злаков, — как при сохранении наших овечьих стад приходится заботиться о разведении сторожевых собак — так при поддержке нашего здоровья при борьбе с недугом — первая ближайшая забота каждого врача и каждого больного — поддержать невидимых помощников, незримых истребителей микробов, — поддержать работу «фагоцитов» всеми мерами, доступными для применения: физическими — (облучением), химическими (медикаментами) и.. **психическими**: поддержанием **максимальной бодрости больного**.

В этом смысле — основной ближайший вывод из рассказанного мною про «**Искусственный Подбор**», производимый человеком и про мастерство его и его власть над окружающей природой — этот основной ближайший вывод наш мы отольем в такое не совсем обычное сравнение:

Как в борьбе на фронте, для разгрома видимых врагов, кроме опытного руководства, должного вооружения, обилия боеприпасов и умения пользоваться ими — всего прежде мужество, отвага, полная уверенность в победе — так и при борьбе с невидимым врагом — с микробом, — требуется кроме знания, умения врача, кроме наличия лечебных средств или условий — также и душевная, психическая бодрость, полная уверенность в себе, готовность победить недуг во что бы то ни стало...

Переходим к третьей и последней заключительной главе — нашей беседы. Этот третий вывод моей лекции ходя и ориентирован всего прежде на товарищей, имеющих вернуться к ратным подвигам на поле брани, но на деле он касается, конечно, каждого из нас.

Я разумею третью и решающую часть учения **Дарвина** — его учение о «Борьбе за Жизнь», о борьбе, которую живые существа, растения и животные, ведут так неустанно и последствием которой получается по Дарвину то изумительное совершенство их строения, которое так резко отличает их от мертвой и неорганической природы.

Можно без труда предвидеть, что по поводу этой последней части Дарвиновской Теории, его учения о «борьбе за Жизнь» может зародиться мысль о сопоставлении этой жизненной борьбы животных с практикой войны и боевого дела.

И действительно, это сравнение мы сейчас проведем, но только с тем, чтобы решительнейшим образом отвергнуть всякое подобие и сходство этих двух явлений, чтобы самым резким образом размежевать «**Борьбу за Жизнь**» у животных и «**Войну**» людей, как два процесса, прямо противоположные друг другу.

Говоря о **войнах человеческих** и о **Борьбе за Жизнь у животных** надо различать **три** следующие вопроса:

I. **Кто** воюет и **кто** борется?

II. **Для чего** воюют или борются?

III. **чем** борется и **чем** воюют?

Разберем же по порядку эти **три** вопроса.

I. — **Кто воюет у людей, кто борется в Животном Мире?**

У животных **лев** вынужден бороться с **буйволом**, а **буйвол** с этим хищником. Это — **Закон Природы**.

Выживает самый мощный лев и самый сильный буйвол.

Самый мощный — есть самый «лучший лев» и самый слабый буйвол — самый худший буйвол. Выживает «лучший» — вымирает «худший».

Так ли происходит у людей и так ли совершается оценка?

Кто осмелится сказать что в человеческом быту и в повседневной жизненной борьбе и конкуренции людей всегда и неизменно выживает «лучший»? Разве мы не видим, как при буржуазном строе сплошь и рядом

выживают именно **не** лучший и «имущий»? Как миллионы честных тружеников пребывают в нищете, а тысячи **имущих** но привилегированных тунеядцев благоденствуют...

И кто осмелится сказать, что самый «мощный» фабрикант — есть «лучший» представитель, а беднейший труженик — есть худший представитель человеческого общества!

Итак, понятия, определения «лучший» или «худший» в мире человека и животных абсолютно несравнимы и нередко **прямо противоположны**.

И понятно — почему.

Поступки, побуждения животных мы расцениваем **только** по их достижениям: физической полезности для самого животного вне всяких нравственных, этических, моральных установок и критериев.

Животные поступки или побуждения **не** моральны и не **аморальны**, они «**внеморальны**».

Все, что повышает жизнедеятельность организма и физическое благодеяние животного полезно, **приспособлено**.

Обратно, все, что понижает жизнедеятельность организма и мешает полному его **физическому** выявлению — будет во вред животному, его «приспособлению...»

Самый увертливый и ловкий **буйвол** — будет самым «приспособленным» и также самый хищный и свирепый лев, способный справиться с подобным буйволом.

Короче: Говоря о «**приспособленности**» у животных нам достаточно самого **акта** выживания в их жизненной борьбе, без относительно к тому, какой ценой далось такой «выживание».

Каждый «победитель в жизненной борьбе» животных будет вместе с тем и самым «приспособленным» и «**наилучшим**».

Но насколько иначе расцениваем мы «приспособление» в общественной и социальной жизни человека!

Разве мы не знаем, как — увы! — нередко в человеческом быту жизнь, выживание покупается ценой духовной смерти и морального падения, что именно в людской борьбе, на фронте и в тылу — случаются победы, стоящие поражения и поражения, возвышающиеся до побед!

Короче: именно в людской борьбе важен не только результат, но и цена победы или поражения.

Каково значение борьбы за жизнь у животных?

В чем его природное, биологическое оправдание?

Оно определяется самим понятием — «Борьбы за Жизнь»: **Жизнь, Бытие, Существование**.

А в войнах человеческих?

В разное время и у разных наций и народностей войны велись в самых различных целях, выражающихся в самых их названиях: говорят о войнах династических, религиозных, территориальных и экономических, о войнах наступательных, захватнических и оборонительных... Одно уже их многообразие указывает на несходство их мотивов и преследуемых целей.

И не отрицая ряда случаев, когда война за новые пространства диктовалась жизненной потребностью страны и нации, — нельзя не указать, на тот бесспорный факт, что самые жестокие и длительные войны, нам известные, велись **не** за существование народов, не за **Власть**, за **угнетение**, за **вымогательство**, — что движущих причиной большинства военных столкновений были не вопрос о **Существовании** народов и не жизненные их потребности, но честолюбие, но алчность, страсть к наживе и стремление к господству, только прикрываемые интересами «свободы», чести или веры.

От древнейших пор-времен великих хищников- завоевателей восточных деспотов Ассирии и Персии-Египта-Греции и Рима, через Средние Века — содружество меча и крестом и полумесяцем, к войне «Столет-

ней», и «Тридцатилетней» или «Семилетней» к войнам из времен Наполеона и отсюда к первой империалистической и современной, небывалой по жестокости нашей Отечественной Войне — где, для какой из этих войн возможно было бы сказать, что зачинатели их действовали, руководствуясь борьбой за жизнь своих подданных?

Кто решится утверждать, что брошенные в поля войны миллионы жизней были отданы за «право жизни» а не за господство, власть и угнетение других народов и не в интересах кучки деспотов-завоевателей и их приспешников, от **Александра-Цезаря-Атиллы** и до Валенштейна, Фридриха, Наполеона до Вильгельма, Гитлера и Муссолини..

Точно ли «Борьба за Жизнь» двигала, толкала легионы Цезаря и македонские фаланги?

Так ли жизненно необходимо было Риму — захватить Британию, а **Александрю** — Индию?

И так ли тесно было полчищам Аллариха, Атиллы, Чингисхана и Тимура в необъятных даях Азии и точно ли и борьба за жизнь двигала ордами гуннов, готов и монголов из глубин родных степей, из сердца Азии, докатывая их до Тибра, Рейна и Дуная?

А «Крестовые Походы», а торговые и династические войны в Средние Века, а способы «завоевания» Америки? Как будто по открытии стран Нового Света их нетронутые плугом земли тотчас покрывались пашнями и нивами, а не бесчисленными жертвами, людской свирепости и жадности.

Как будто следствием Столетней и Тридцатилетней и любой войны не сказывалось всего прежде обезлюдение, опустошение целого ряда стран, снижение жизни массового населения — и «победителей» и «побежденных».

А Наполеонские войны! Точно ли борьба за жизнь двинула Наполеон на Москву в этой борьбе Версаля и Кремля?

А что сказать о первой империалистической войне? О первом мировом пожаре 1914 года и возникшего бесспорно половин Германии?

Известно, что в начале нынешней войны Германия ссылалась на Версальский Договор и на его несправедливость, на лишение ее колоний и другие обязательства, наложенные на нее Версалем.

Но ведь первой империалистической войне предшествовал совсем другой Версаль, свидетель не униженности, а торжества Германии после разгрома Франции Наполеона III-его, доставившей ей и Земли, и колонии, и контрибуцию.

Долгие сорок лет Германия имело случай пользоваться результатами своих побед: суда ее свободно бороздили океаны население свободно расселялась по колониям от Камеруна и до Океании, избыток индустрии растекался по всему земному шару.

И однако все эти успехи не уберегли, не удержали заправил Германии от грандиозной авантюры мировой войны, окончившейся крахом для Германии не без участия и нашей Родины.

И как бы ни ссылались современные правители Германии в начале нынешней войны на «унижение Версаля» в частности на отобрании колоний — и на лимитирование флота и вооружений ссылки эти аннулируются тем, как был использован Германией ее более ранний «торжествующий Версаль», не уберегший победителя от продолжения захватнических войн.

Нет! Не борьба за жизнь, а борьба за власть, господство и наживу, за угнетение других народностей.

Причем тут **Дарвинизм** и учение Дарвина о жизненной борьбе животных!?

Дарвинизм выдвигает роль борьбы за жизнь, как закон Природы Дарвинизм есть научная теория, биологическое обобщение.

Все захватнические войны — суть общественные беззакония, противоречащие и природе, и науке, и морали.

Всякая захватническая война равно противоречит и закономерностям природы и закона человеческого общества.

Но остается рассмотреть последний пункт сравнения «Борьбы за Жизнь» у животных с человеческими войнами: — вопрос о средствах, способах борьбы животных и войны людей.

Борьба животных и ее исход определяются, как мы старались убедиться, — не одной, а множеством причин и протекает в самых разных формах и условиях.

И все же, опуская случаи так называемых катастрофического и массовых уничтожений, как это случается при ливнях, эпидемиях, лесных пожарах и других стихийных бедствиях — не оставляющих возможностей и места для борьбы, — и гибнет поголовно население данного участка независимо от преимуществ и «приспособления» отдельных особей — возможно утверждать, что при борьбе за жизнь взрослых организмов, — выживает более здоровый, мощный, сильный и физически-телесно совершенный, что при прочих одинаковых условиях — **три** волка легче справятся при нападении на **кабана**, чем **два** и стадо кабанов скорей защитит себя, при нападении на них волков, чем одинец-кобан.

А в человеческом быту, а на войне, а в практике и ходе боевого опыта?

Послушаем, что говорит устами своего любимого героя **Лев Толстой** в «**Войне и Мире**».

«На войне **один** баталион иногда сильнее **дивизии**, а иногда слабее **роты!**»

Это мнение Болконского-Толстого, мнение не только величайшего писателя, но и бывшего храброго артиллера, принимавшего участие при обороне Севастополя..

И вот прошло без малого **столетие** со времени защиты **Севастополя** Нахимова и мы свидетели второй его защиты, еще более героической, мы можем только подтвердить эту бесспорнейшую истину:

И при защите нынешнего **Севастополя**, и в героических боях на подступах к Москве и Ленинграду, и сейчас, на необъятном фронте, от границ **Финляндии** и до **Тавриды**, каждый день и каждый час оправдывается все та же истина, что батальон врагов — захватчиков слабее роты наших героических защитников, а батальон после них может быть сильнее вражеской дивизии.

И в этом гордом отрицании математической элементарной истины ярко и четко выступает основная разница **Борьбы за Жизнь** у Животных и людской войны.

Мы видели, как несравнима с жизненной борьбой война **захватническая**, война, ведущаяся не за жизнь но за **наживу**.

Но не менее отлична от борьбы за жизнь и война **оборонительная**, справедливая, подобной той, которая сейчас ведется нашей Родиной. Понятно, почему.

Борясь за жизнь, животные или растения борются за голое существование и цель борьбы: пробиться, выжить, сохранить себя во что бы то ни стало! Уцелеть любой ценой, любыми жертвами.

Но так ли происходит дело и в **оборонительной борьбе**?

Будь это так — не проще было бы всецело отказаться от защиты или обороны, сдаться без борьбы на милость победителя?

Но так ли рассуждают и не так ли поступают **Квислинги Пэтены** и **Лавали** и достойные им подражатели и ренегаты фронта или тыла?

Сказанным определяется глубокое различие борьбы животных и оборонительной войны у человека.

В жизненной борьбе животных — они борются за голое существование.

В оборонительной войне — борьба ведется за **достойное** существование.

Не для того мы боремся, чтобы остаться только в целости. Мы всего прежде боремся за свою **Родину** и за свою культуру и не за одни лишь материальные блага и ценности но за духовную культуру.

Да мы боремся не только за леса и нивы, за богатства недр почвы или водяных глубин, за наши фабрики или заводы, вожделенные для неприятеля...

Мы боремся за наши умственные достижения за наши нравственные идеалы, за сокровища духовной, умственной культуры, так жестоко ненавидимые неприятелем.

Мы боремся за наш прославленный Тургеневым язык, наше искусство, нашу музыку, нашу науку, национальный умственный и нравственный уклад.

За Пушкина и Гоголя, Тургенева и Горького, за Глинку и Чайковского, за Репина и Левитана, Менделеева и Лобачевского, за Чехова и за Толстого...

И вот в этом наличии **идейного** и **нравственного** элемента, о котором ничего не знает мир животных, заключается, конечно, всего прежде все бездонное различие между борьбой за жизнь у животных и войной оборонительной, подобной той, которая сейчас ведется нашей Родиной.

Короче, проще и понятнее: **идеология войны** захватнической и оборонительной — вот где источник бездны разделяющей два фронта, на которые распался, раскололся современный мир.

Два мира — мир агрессоров — поработителей и мир свободных и стремящихся к свободе наций.

Но едва ли нужно говорить, как эта разница идеологий, разница в определении целей и задач войны — реально сказывается на ходе, и, как мы уверены — и на исходе этого трагического столкновения двух глубоко враждебных миропониманий.

Хорошо известно, что в великой теперешней битве на Дону исход сражения определится не только мужеством бойцов, отвагой командиров и умением обоих, не одним обилием снарядов высотой техники, количеством и совершенством танков или самолетов, но и несоизмеримым преимуществом **идеи**, вдохновляющей защитников нашей страны и сравнение с идеологией ее захватчиков.

И то сказать. К чему сводима эта с позволения сказать «идеология»? «Земной шар должен быть немецким!» И при том и «арийским», и при том фашистским. А всем прочим расам или нациям или приема управления **нет** места на земле.

Естественно спросить: Откуда эта сумасбродная идея? В чем ее опора и обоснование? Ведь всякая «идея» — как продукция ума — должна иметь свое разумное, рассудочное оправдание.

Но тщетно станем мы искать подобия научного обоснования такому взгляду — взгляду на войну, как на естественный закон Природы, столь же неизбежный и неумолимый как закон борьбы за жизнь, констатированный Дарвином.

Мы видели, что для сравнения, борьбы за жизнь у животных с человеческими войнами нет даже тени основания — но этим самым рушится и всякая возможность подведения под захватническую войну подобие опоры в области науки.

И, конечно, самая попытка оправдания такой войны ложными ссылками на «доводы науки» — голову выдаст не только вздорность и надуманность подобных ссылок, но и полную заведомую несравнимость этих двух процессов — именно поскольку в жизненной борьбе, ведущейся животными нет места для «идеи», для «идеологии».

Обратно, от достоинства, от высоты идей, войны освободительной и оборонной — в высшей степени зависит героизм, жертвенность бойцов и их уверенность в победе.

И мы знаем, какова эта идея — вдохновляющая наших нынешних бойцов в их ратном подвиге — защиты Родины:

Эта идея — равноценности **народов**, равноправие **людей** на полную свободу умственной и нравственной культуры — эту величавую идею мы бросаем в стан наших врагов, помимо танков, самолетов, пуль и мин, которыми мы защищаем нашу **Родину**.

Эта Идея **равноправия** народов — побуждает к переходу фронта и сдаваться тысячам солдат враждебных армий — и она же вдохновляет дружбу с нами наших боевых союзников.

Она, эта идея — провожает эшелоны — водные и сухопутные по океанам, прериям, степям и тундрам приносящие нам помощь из далеких зарубежных стран, — она, эта идея — нравственно объединит культуры всех свободных и с водолюбивых стран — по окончании войны.

И каковы бы ни были фактические сроки окончания войны и ожидающие нас страдания и жертвы, — одно мы можем уже ныне с достоверностью сказать: вне утверждения подлинной свободы умственной и нравственной культуры — всех народностей и наций, и для каждого отдельного лица — все эти жертвы и страдания останутся без умственного оправдания, без нравственного искупления...